

Н. Александриди

20 октября 1905 года

В октябре 1905-го года в Томске произошли события, память о которых никогда не исчезнет у современников; события, вошедшие в историю революционного движения в России. Стачки, забастовки, сходки и демонстрации рабочих, учащихся, интеллигенции были реакцией на знаменитый "Манифест" 17-го октября. Город был на военном положении. Разъезжали конные патрули полицейских. Объявлено запрещение собираться более 3-х человек на улице. Купец Коломин, лавка которого находилась в доме №24 по Шумихинскому переулку, учтя обстановку, сделал "бизнес". Я хорошо помню, как негодовала моя мать, когда наша домработница, придя из лавочки, сказала, что за палочку дрожжей с неё взяли 8 копеек вместо 4-х. Мне было тогда 9 лет, но я помню, как если бы это произошло вчера, как бушевала и негодовала, моя мать по этому поводу: "Кровопийцы, грабители, вместе с вашим царем! Подождете, найдется и на вас управа!"

Мы жили тогда в Орловском переулке №9 у Марии Ивановны Лавровой. Кстати сказать, теперь, когда я пишу эти строки, я опять живу в Орловском переулке, только в другом доме. Точно не могу сказать, 17 или 18 октября один из моих товарищей по играм таинственно сообщает: "Колька, пойдем на Соляную, там студенты собираются, чтобы царя к чертям сбросить. Только смотри, дома ничего не говори, а то не пустят". Уговаривать меня, конечно, не нужно, и вот мы на Соляной площади. Митинг в разгаре. Ораторы, пользуясь любым возвышением, в большинстве юноши и девушки, горячо бросают в толпу гневные фразы, призывают к свержению самодержавия, издеваются над "Манифестом", сравнивая его с обглоданной костью, которую бросают собаке, для того, чтобы в это время найти намордник. Я, конечно, многого тогда не понял, но это сравнение почему-то врезалось мне в память.

Наряды полиции тщетно стараются рассеять толпу. Но вот совершенно неожиданно с Иркутского тракта "на рысях" влетает отряд казаков, посланных по приказу губернатора Азанчеева-Азанчеевского и с хода врывается в толпу. Началась дикая скачка, где с одной стороны была безоружная молодежь, а с другой - казаки на конях, с шашками и нагайками. Шашек, правда, в действии я не видел, но с нагайками познакомился: какой-то казак мимоходом стегнул

меня, но по-видимому это был неплохой человек, он увидел, что я парнишка, и мне даже не было очень больно. Моему товарищу менее повезло: от удара нагайки у него лопнул полушубок и на спине остался багровый рубец, которым он потом долго хвастался.

Единственным путем отступления был 2-й Кузнечный взвоз, куда и устремились участники митинга. Дальше события развивались так: спустившись с горы по «Переулку 1905-го года» (не помню, как он назывался тогда), демонстранты укрылись в здании "Бесплатной библиотеки" (теперь - кинотеатр имени И.Черных).

Полиция к казаки прекратили преследование, но здание было окружено, и мы оказались "в осаде". Вероятно потому, что я в то время был еще мальчишкой, я не обратил внимание на поведение "осажденных", а теперь, вспоминая это, я поражаюсь жизнерадостности и оптимизму людей, которые не знают, что ждет их в следующую минуту. Забаррикадив двери, молодежь немедленно организовала хор: "Марсельеза", "Варшавянка", "Замучен тяжелой неволей", "Вы жертвою пали" и другие революционные песни загремели одна за другой, а снаружи дом был окружён полицейскими, когда и куда выйти было неизвестно. Но вот наступил вечер. "Осаждённые" проголодались. Инициативные ребята организуют "складчину" - каждый даёт столько, сколько у него есть. Но как же выбраться на "фуражировку"? Решили, что мы - пацаны, которых оказалось немало, как наименее "подозреваемые", можем выполнить это задание. Нам вручают деньги и через заборы, дворы, закоулки мы несемся в "лавочки", покупаем там хлеб, колбасу, варенье, селедку и пр. и благополучно доставляем все это в "крепость". Аппетит осажденных нисколько не пострадал от создавшейся ситуации, и продовольствие быстро было реализовано. Вскоре после этого последовал приказ снять осаду. Говорят, что выпущенные были зарегистрированы, но нас, мальчишек, это не коснулось. Зато по приходе домой, около часу ночи, я имел продолжительный и серьезный разговор с мамой, которая за это время <...> за меня, как будто это было 10 Николаев.

Через день после этого моя мать пришла с работы очень взволнованной. Работала она журналисткой в службе пути Сибирской железной дороги. Причиной ее волнения было следующее: когда она поравнялась с углом Шумихинского переуллка и Орловского, трое мужчин, стоявших на углу, замолчали, прекратив разговор, а один из них, сурово посмотрев на нее, сказал: "Ну завтра мы покажем им!" Это завтра было 20 октября 1905 года - день выдачи "жалованья" железнодорожникам. По-видимому, под влиянием этого

эпизода моя мать не пошла на следующий день на работу, хотя этот день был днем выдачи "жалованья", как тогда называли зарплату. Ее сестра, а моя тётка, Анна Ильинична Комарова, и мой двоюродный брат, Александр Мефодьевич Протасов, студент медицинского факультета, служивший в том же Управлении железной дороги, смеялись над ней и уговаривали её идти на службу. События показали, что она поступила совершенно правильно: если бы она пошла, то вполне возможно, что в этот день мы в последний раз видели бы свою мать живой.

О страшном дне 20-го октября 1905 года в нашем городе много писали, так что мне хочется поделиться только своими личными воспоминаниями и впечатлениями.

Как известно, события начали стремительно развиваться с момента столкновения двух групп: демонстрации с одной стороны, в которой были рабочие и учащаяся молодежь, и "манifestации" с другой, организованной под покровительством полиции и с благословения архиерея Макария, черносотенцами, бандой, именованной "Союзом русского народа" или "Союзом Михаила архангела".

Управление Сибирской железной дороги, около которого произошло это столкновение, помещалось в здании теперешнего ТЭМИИТА /на месте главного корпуса ТУСУРа - в настоящее время, прим. ред./ на Сибирской площади (теперь Площадь революции). Напротив него высилась громада нового собора (на месте стадиона "Динамо"), а по другую сторону, по Московскому тракту, находилось здание "Королёвского театра".

Под натиском превосходящих по количеству сил черной сотни, которой к тому же стала помогать и полиция, демонстранты пытались укрыться в здании Управления, в театре и отчасти в здании факультетских клиник. Забаррикадовавшись там, они приготовились к защите, в надежде, что скоро хулиганы будут разогнаны полицией, но дальнейшие события очень скоро убедили всех, что они жестоко ошиблись.

Служащие Управления, находившиеся на работе, волей-неволей были вынуждены разделить участь демонстрантов.

Как рассказывал мой брат, о котором я упоминал, сначала настроение у всех бело уверенное и спокойное. Когда увидели, что от казарм, помещавшихся тогда на территории теперешнего стадиона "Труд", идут войска, все окончательно решили, что инцидент исчерпан, но и на этот раз быстро убедились в ошибочности своего предположения. Развернувшись в линию, войска

построились на противоположной стороне дороги лицом к Управлению, а в промежутке бушевала и бесновалась толпа.

В соборе в это время шла служба с участием Макария. И вот открываются двери собора, и на паперть выходят священники во главе с архиереем. Это был щедушный старик небольшого роста, высохший, как мумия, с совершенно белой, реденькой бородой, спускавшейся вниз прямыми космами. В полном облачении с архиерейским клобуком на голове, Макарий, высоко поднимая руку с крестом, "благословляет" беснующуюся толпу.

К этому времени двери Управления и театра оказались заваленными снаружи всевозможным горючим материалом: бревнами, дровами, обломками мебели и пр.

Страшная правда, поверить в которую несколько минут назад было невозможно, встала перед глазами осажденных во всей своей отвратительной наготе, когда увидели, что погромщики поджигают костры, сложенные у входов. Ещё была некоторая надежда, что придут пожарные и ликвидируют начинающийся пожар, но и это была тщетная надежда. Когда огонь и дым появились в нижних этажах, пришлось отступать вверх. И началось то кошмарное и отвратительное дело, память о котором должна быть сохранена в веках, а тот, кому пришлось самому видеть или слышать рассказы очевидцев, а то и оказавшихся участниками, конечно, не в числе громил, этого кошмара, конечно до смерти пронесет это воспоминание. Мне в то время было 9 лет, но я с такой отчётливостью помню эту ночь, как будто это произошло вчера. Я помню то оцепенение, которое охватило всех. Говорить совсем почти перестали, а если и говорили, то какими-то почти не связанными друг с другом словами, почти шёпотом.

Моя мать собрала возле себя всех нас, т.е. меня, сестру Веру и Паню (Павла), и Олю - детей тети Ани (Комаровой) и старалась успокоить нас, говоря, что все будет хорошо, что сейчас придут и тётя Аня и Саша, но ее дрожащие губы и слёзы, неудержимо катившиеся из глаз, делали её попытку успокоить мало действительной. Оля, которая в то время училась в гимназии (ей было лет 15) всё время порывалась бежать туда "к маме", и только с большим трудом можно было удержать ее дома. На дворе было уже темно, и вот стало разгораться багровое зарево пожара. Все сильнее и ярче, захватывая, всё большую часть неба, оно вскоре превратило ночь в день, только день кроваво-красный, с красным снегом, красным небом, красными лицами напуганных, ошеломлённых

людей. Мы с Паней вылезли на крышу сарайчика, стоявшего во дворе, и не могли оторвать глаз от этого полыхающего зарева.

Но вернемся к тому, что происходит на площади. Повторяю, что передаю всё это главным образом со слов Саши-студента, который был там с самого начала и почти до конца.

Когда стало ясно, что спастись через двери невозможно, многие пытались это сделать через окна, но тут вступали в дело войска: стоило кому-нибудь показаться в окне, раздавались выстрелы, и человек падал мертвым или раненым. Садизм "защитников отечества", воодушевленных благословением "властей предержащих" и Господа бога через посредство "его преосвященства", дошёл до предела. Нарочно дав какому-нибудь несчастному, спускавшемуся по водосточной трубе, почти достигнуть земли, его брали на мушку, и он падал на землю, где, если он ещё подавал признаки жизни, его немедленно приканчивали, превращая в кровавую массу. Если снег в нашем дворе был багровым от зарева пожара, то на площади он стал багровым от настоящей, горячей человеческой крови. Что творилось внутри горящих зданий, конечно, не мне пытаться описать, но некоторые эпизоды я могу себе представить, так как их описал Саша. Так например в числе сослуживцев моей матери и тётки был инженер Кронид Александрович Карякин, с которым мы, как тогда говорили, "были знакомы домами". Лично мне он очень нравился. Довольно красивый, с чёрными усами и бородкой, как полагалось по тогдашней моде, всегда хорошо одетый, приветливый с нами, детьми, он всегда для меня был желанным гостем. И вот, когда Саша и тётка, пробегая в поисках спасения по какой-то комнате, увидели этого Кронида Александровича на полу. Он был ранен пулей в живот. Когда студент хотел его поднять, чтобы попытаться снести, он категорически отказался: "Нет, мне конец, бегите, спасайтесь, прощайте!" И, протащив своё тело по полу, забился под стол. Это были его последние слова, никогда больше его не видели, и трупа не нашли, т.к. оба здания, и Управления, и театра, представляли груды развалин. Все этажи рухнули, остались только обломки стен.

Моему брату и тётке удалось спастись почти чудом. Когда они метались по горящему дому, их остановил один из сторожей Управления: "Скорей сюда, студент!" (Саша был в студенческой форме). Затащив их в свою каморку, отдал студенту полушубок и шапку, а тётке какой-то салоп, вывел во двор и посоветовал через заборы и соседние дворы пробраться к Заистоку. Прячась среди дров, разных амбарушек, перелезая через заборы, они пока благополучно

продвигались, не будучи никем замеченными. Но вот в одном месте, когда переправив тётку через забор, Саша и сам стал перелезать, раздался дикий крик: "Стой!" К забору бежал мужик с чем-то в руках. Подбежав, он размахнулся и ударил беглеца ломом. Но так как тот уже прыгнул, то удар пришёлся "вдогонку", не причинив большого вреда. Пока преследователь решал, что ему делать, беглецы были уже далеко. Так, прячась и перебегая от одного укрытия к другому, им удалось отойти довольно далеко от пожара. Кружа по городу, они вернулись домой часа в 3 ночи. Их вид яснее всяких слов говорил о том, что пришлось перенести. С головы до ног покрытые сажей, в одежде, висящей лохмотьями, с лицами и руками, покрытыми кровоточащими ссадинами и ранами, они были совершенно неузнаваемы. Левая рука Саши не поднималась в результате полученного им удара. Когда немного улеглось волнение, и люди стали в состоянии говорить более или менее связно, тётка, обращаясь к моей матери, сказала: "Как права была ты, Марусенька! А я ещё смеялась над тобой".

Я не помню сейчас точного количества погибших тогда, это конечно, более точно и документально установлено другими, но знаю, что количество это велико.

Вполне естественно, что одним этим актом дело не могло закончиться. Зверь, получивший свободу и уверенный теперь в своей безнаказанности, требовал новых жертв и новой крови. Необходима была какая-то отдушина, клапан, через который можно было бы выпустить излишек этих зверских инстинктов.

И "руководители" нашли этот клапан, и по нему направили неизрасходованные силы зверя. В жертву ему были принесены евреи, как элемент нежелательный для правительства и ненадёжный, с которым можно было сейчас расправиться легко и удобно. Начались еврейские погромы. На следующий же день, т.е. 21-го октября, стали собираться отдельные кучки, сливавшиеся в более крупные "соединения" и превратившиеся вскоре в толпу полупьяных озверелых громил.

Неистовая толпа двинулась по Почтамтской (проспект Ленина) улице. Случайно я проходил с домработницей (одного меня из дома не выпускали) и стал свидетелем одного из таких погромов. Сейчас это гастроном №2 на углу пр.Ленина и пер.Нахановича.

Моя спутница была девица неробкого десятка, и вместо того, чтобы поскорее увести меня, предложила мне: "Давай, Коля, посмотрим, интересно!" Уговаривать меня, конечно, не пришлось. Остановившись около здания

городской Управы (сейчас общежитие ТЭМИИТа) мы стали смотреть. В те тревожные дни многие, а особенно принадлежащие евреям, магазины не открывались. Так было и в данном случае, но ничто не могло устоять перед натиском озверевшей толпы, почуявшей опять кровь и наживу. Толстые железные ставни на окнах срывались под напором сотен вооружённых чем попало громил и с шумом отрывались с петель, падая на тротуар. Толпа кинулась внутрь, и началась дикая оргия, участники которой уже ничем не напоминали людей. Громадные зеркальные стёкла в окнах разлетались в мелкие куски, ранив и сшибая самих же взломщиков, потерявших всякое соображение и бросавшихся прямо на острые осколки, торчавшие ещё в рамах. Клубок тел около магазина перекатывался с одного места на другое, дикий вой и крики оглашали воздух. Магазин был почти <...> (один лист воспоминаний отсутствует – прим. ред.)

<...> удивило, что снег везут не со двора, а во двор, но сразу же всё разъяснилось. Заперев ворота, люди сбросили из короба слой снега, под которым оказались самые разнообразные товары, которые немедленно и были перенесены в дом. Разгрузив воз, "хозяин" повернул лошадь и отправился в следующий рейс. Так повторялось до темноты, когда нельзя уже было ничего рассмотреть.

Следующие два дня погромы продолжались. Жажда разрушения, охватившая разнузданную толпу, требовала новых жертв, и погромщики, разграбив магазины и лавки, направились в районы, наиболее густо населённые евреями, и началась кошмарная расправа с незащитными людьми, виновными только в том, что они на этот раз были изображены правящими кругами для выполнения роли громоотвода. Потерявшие человеческий облик громилы, заранее распропагандированные в нужном направлении, заключавшемся в основном в формуле: "Внутренние враги - студент, жид", обратили свою ярость против этого "врага", благо они были уверены в своей безнаказанности, а может быть надеясь и на благодарность.

Два дня продолжалось это отвратительное побоище, и только после этого "начальство" сочло "за благо" прекратить его. Но страсти не улеглись: сменив характер "массовости" они находили себе выход в отдельных эпизодах.

Жертвой одного из них стал мой дядя, брат отца, Владимир Александрович Александриди.

Фамилия Александриди греческая и говорит за то, что в прошлом (не стоит подробнее останавливаться на генеалогии) когда-то это и были настоящие греки, Из всех представителей мужской ветви нашей фамилии дядя Володя был,

пожалуй, самым ярким по внешности "греком": смуглое худощавое лицо, чёрные волосы и большой нос с внушительной "горбинкой" говорили о том, что в нём течёт значительная часть южной крови. Нужно отметить, что он был весьма религиозным человеком: проходя мимо церкви, он непременно останавливался, снимал головной убор и крестился, что-то шепча, праздники "соблюдал" по всем правилам и т.д.

И вот этот дядя однажды летом 1906 года ехал верхом из деревни Куташёвой, где они тогда жили на даче, в город. Спустившись с "Чёртовой горки" (около Степановки) он повстречал трёх мужиков. Поравнявшись с ним, они стянули его с лошади и стали бить. Когда из-под разорванной рубахи выскользнул золотой крест на цепочке, какие тогда обязательно носили "православные", мужики в удивлении остановились. Они спросили: "Так разве ты не жид? - Нет. - А чего же ты не сказал?" Тот ответил: "А вы же меня не спрашивали." И они "с миром" отпустили его, но домой он приехал с громадными синяками и с порванной рубахой.

"Девятьсот пятый" и последующие годы разгула оставили неизгладимый след в памяти современников. Характерным примером я считаю высказывание моего товарища еврея, Михаила Исаевича Ришес, с которым я работал в течение многих лет. Дом, где сейчас находится Краеведческий музей, в царское время назывался "Архиерейский дом", т.е. он являлся резиденцией этого последнего.

Однажды, проходя мимо этого дома (примерно в 1922-23 гг.) М.И.Ришес признался мне, что только недавно освободился от безотчётного страха, охватывающего его всякий раз, когда необходимо было проходить мимо него. Он сказал: "С детских лет, с 1905 года, я лишь в случае крайней необходимости соглашался идти мимо архиерея, мне всегда казалось, что вот в окно выглянет Макарий. Я не знал, что может случиться после этого, но самая возможность, что я увижу его, а он увидит меня, вселяла в меня дикий ужас. И царя свергли, и советская власть твёрдо укрепилась, а я всё не мог избавиться от страха, хотя и знал, что Макарий уже умер". Такую "хорошую" и "крепкую" память оставил по себе "святой отец"!